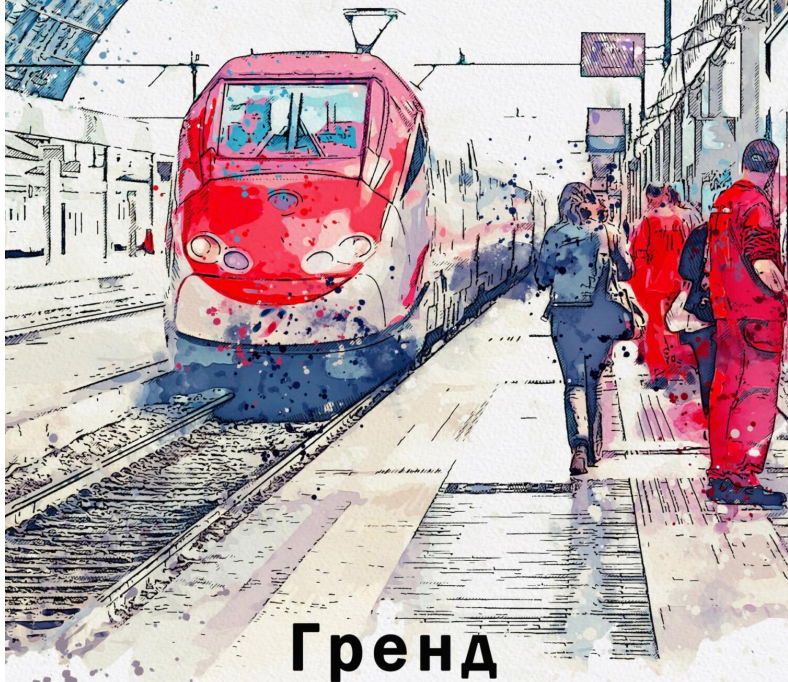

Поезд в Варшаву

Гренд

Гренд Поезд в Варшаву

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51849975

SelfPub; 2024

Аннотация

Мой дед погиб на войне и был похоронен в Польше. Впервые мы предприняли попытку посетить его могилу в 2000 году. Но тогда нас не пропустили на польской границе из-за небольших формальностей с документами. И вот теперь, спустя восемнадцать лет, мы вновь решили отправиться в путешествие. Мы ехали всей семьей: я и моя жена, двое наших детей и моя мама. Жена предложила отказаться от самолета в пользу поезда. В этом было даже нечто романтическое – проплывающие мимо окон поселки и города, стук колес, вкусный ужин в вагоне-ресторане. Я согласился с тем, что поезд будет самым лучшим вариантом. Еще один повод провести время с семьей, настроившись на нужный душевный лад перед посещением дедовой могилы. Садясь в вагон, мы и подумать не могли, что ждет нас впереди. Легкая и быстрая поездка в скоростном поезде превратилась в настоящее приключение. Нам все время приходилось сталкиваться с какими-то препятствиями и героически их преодолевать. В конце концов наше положение стало совсем критичным.

Гренд

Поезд в Варшаву

Меня зовут Сергей, и мне уже 51 год, но так случилось, что только сейчас, впервые в жизни, я собрался посетить могилу своего деда, погибшего на войне. Вообще-то мой дед, Цурил Измайлов, всегда был гордостью всей нашей семьи. Его подвиги были основной темой моих школьных сочинений, затем они стали главной темой для сочинений моего сына, ещё бы, подполковник Красной армии, кавалер многих орденов, участник битвы под Москвой и сражения на Курской дуге. Он погиб в январе 1945 года при освобождении Польши, совсем немного не дожив до Победы. Там же, в братской могиле под городом Макув Мазовецки, недалеко от Варшавы, он и был похоронен. Все близкие об этом, конечно же, знали, но в те годы выбраться за границу, пусть и с такой благой целью, как посещение могилы своего ближайшего родственника, погибшего на фронте, даже в страну соцлагеря было крайне непросто. И в советское время удалось это лишь однажды. В 1977 году младший брат Цурила, Михаил, также воевавший в тех местах, задействовав партийные каналы, всё же сумел добиться разрешения на выезд в Польшу. Надо сказать, что приём ему был оказан на загляденье. Под эгидой комитета советско-польской дружбы собрали многочисленную массовку из местных студентов, и была органи-

зована торжественная церемония с участием секретаря горкома Польской объединённой рабочей партии и даже мэра города. Было всё: и торжественные речи, и возложения венков, и подарки, а после даже статьи в газетах. А дальше... тишина...

С тех пор пролетел уже 41 год! Срок, существенно превосходящий даже то время, которое прошло с момента окончания войны до того как Михаил впервые посетил могилу брата. Но так сложилось, что никто из наших близких после той пафосной церемонии до могилы моего деда так и не добрался. Давно уже умерли и Михаил, и жена Цурилы – Хая. Уже ушли из жизни двое из трёх дочерей Цурилы, и осталась в живых только младшая – Нина. Это моя мама, а ей, между прочим, уже семьдесят восьмой год пошёл. И если не сейчас, то когда ещё я смогу отвезти её на могилу отца? Вы спросите, почему же я так долго тянул и не делал этого? Да просто поначалу у нас не было материальной возможности, а когда она появилась, мы с мамой и моим двоюродным братом предприняли попытку посещения Польши с этой миссией. Но миссия оказалась проваленной. Ваучер на посещение страны в туристической фирме мне оформили с небольшим нарушением, перепутав название гостиницы, и у меня сложилось такое ощущение, что польские пограничники как будто только этого и ждали. Поиздевались они над нами тогда на славу, мама перенервничала до такой степени, что даже скорую помощь пришлось вызывать. Я помню как сей-

час эту важную самодовольную физиономию, которая на моё замечание о том, что нарушение, допущенное в наших документах – всего лишь незначительная формальность, с высокомерной ухмылочкой ответила, что она здесь находится именно для того, чтобы соблюдать такие вот «незначительные формальности», и уже через час мы сидели в том же самом самолёте, на котором прилетели туда, только рейс осуществлялся уже в обратном направлении. Вся эта история случилась ещё в начале 2000 года, и отношение к Польше у меня с тех пор, мягко говоря, подпортилось. Может быть, поэтому я так долго тянул и не предпринимал новых попыток посетить дедову могилу.

И вот теперь, в августе 2018 года, когда моя обида на поляков уже слегка стала забываться, мы наконец-то решились. Мы – это я со своей женой Надеждой, моя мама, проживающая последние два года в солнечном Израиле и приехавшая в Москву нас навестить, а также наши с Надеей дети: семнадцатилетний Лёва и пятнадцатилетняя Соня. Готовиться к поездке я стал заранее, подробно изучив по картам местность, где расположено то самое захоронение советских воинов периода Второй мировой войны. Хотя, при наличии современного интернета и навигации, доехать до места самостоятельно особого труда не составляет, я, тем не менее, решил заручиться поддержкой гида, резонно предположив, что его помощь может понадобиться и на следующий день, который мы планировали посвятить осмотру достопримеча-

тельностью Варшавы. После просмотра нескольких кандидатов моё внимание остановилось на Петре Конечко. Я написал ему, и он откликнулся, зарезервировав за нами в своём графике пару дней в августе. Конечно, выбор гида по интернету всегда является своего рода лотереей, но меня на том этапе больше всего устраивало наличие у него семиместного минивэна, в который легко умещалась вся наша немногочисленная группа. Ну а если заглянуть немного вперёд, то могу сказать, что в данной лотерее я вытянул счастливый билет. Но пока мы лишь только строили планы.

Моей жене пришла в голову, как мне показалось в тот момент, гениальная идея – совершить наше путешествие не на самолёте, как обычно, а купить билеты на комфортабельный фирменный поезд, таким образом придав нашей поездке некий романтический окрас. На меня сразу же нахлынули детские воспоминания о летних путешествиях на море, когда я, лёжа на верхней полке купе, вглядывался в проплывающие мимо зелёные лесные пейзажи, иногда прерываемые ритмичным свистом пролётов встречных поездов, оставлявших после себя в глазах смазанную мультяшную картинку. Ещё я вспомнил, как, глядя из окна вагона, долго не мог свыкнуться с мыслью о том, что вот в этих незатейливых домиках, находящихся за тысячу километров от моей родной Москвы, тоже живут люди, точно такие же люди, как и мы, со своими делами и заботами. Я представлял себе, как они утром идут на работу, предварительно забросив детей в

местную школу, а по вечерам все вместе собираются вот за этими, уютно светящимися тёплым светом окнами и решают какие-то свои проблемы. Мне тогда было очень нелегко понять то, что жизнь за пределами Москвы тоже существует. Ну и, конечно же, не забываем свет ночных фонарей, проплывающий в вагонных окнах тёмного купе, и длинные ночные остановки на пустынных полустанках. И хотя в последние четверть века поездами дальнего следования я ни разу не пользовался, под влиянием нахлынувших детских воспоминаний горячо поддержал предложение жены и купил билеты на поезд с интригующим и вполне себе польским названием «Полонез». План нашей поездки был следующим – садимся в Москве на поезд с утренним прибытием в Варшаву, сразу же едем на могилу деда в Макув Мазовецкий, затем возвращаемся обратно, заселяемся в заранее забронированную гостиницу и всё оставшееся время, включая целиком следующий день, посвящаем подробному изучению столицы. Наш отъезд домой, так же на поезде, мы запланировали на третий день. Этот план казался мне просто идеальным, и я даже представить себе не мог, что здесь что-то может пойти не так. Поэтому, купив билеты, мы просто предвкушали лёгкое и приятное путешествие.

* * *

– Так, проходим, не торопимся, предъявляем билетики, – почему-то именно такими я себе всегда и представлял про-

водниц. Это была невысокая крепко сбитая блондинка лет 55-ти, с крючковатым носом и глубоко посаженными глазами на округлом личике. Она была одета в серую железнодорожную униформу, а вместо галстука на её шее красовалась фирменная косынка. Мне показалось, что наша семья произвела на неё благоприятное впечатление, поскольку, зайдя в купе, она сразу же заговорщицки дала понять, что мы у неё в приоритете:

– Ну, располагайтесь, почувствуйте себя как дома, чуть позже чайку вам принесу.

Все мои заняли купе целиком, а поскольку я был пятым лишним, моё место оказалось в отсеке по соседству. Поезд очень сильно отличался от тех, которыми я путешествовал в детстве. Это был уже далеко не тот замызганный состав с грязными, постоянно падающими от малейшего прикосновения занавесками и незакрывающимися от перекоса невымытыми окнами. Внешне наш вагон выглядел очень презентабельно. Он был исполнен в градациях серого, с диодной информационной бегущей строкой по центру, а на треть его длины была нанесена большая красная эмблема железных дорог. И внутри всё было по высшему разряду: климат-контроль, множество всяческих удобств и приспособлений, автоматические двери, прекрасный, чистый биотуалет с приятным запахом внутри и даже душ. А ещё в поезде был вагон-ресторан, который мы планировали вечером обязательно посетить.

– Выпьем винца, хорошенечко поужинаем, выпьемся в благоустроенном купе, а в восемь утра будем уже в Варшаве, отдохнувшие и готовые к новым подвигам, – мечтательно продекламировал я.

В этот момент поезд тронулся и постепенно стал набирать обороты. Посмотрел про него в телефонном интернете:

– Быстрый какой, написано, что до двухсот километров в час может разогнаться.

Жена посмотрела на меня с некоторой тревогой:

– До двухсот? Что-то слишком быстро! Не опасно ли будет ехать с такой скоростью?

Мне всегда казалось, что главным недостатком Надежды было умение найти повод для беспокойства буквально во всём, даже в том, в чём обычный человек никогда его искать и не подумает. Но на этом для меня её недостатки заканчиваются. Да, ей уже сорок шесть, но она на них совсем не выглядит, всё такая же стройная, с неотразимой улыбкой, как и двадцать лет назад, в то время, когда мы с ней познакомились. Всё то же каштановое каре, и всё те же красивые и добрые серые глаза.

Пока мы все вместе обследовали купе и раскладывали вещи, уже и чай подоспел. Не обманула круглолицая, а вдобавок к чаю принесла ещё каждому по ланч-боксу со сладостями. Чай был разлит в стаканы в массивных подстаканниках, как и в те давние времена из моего детства. Для меня, да и, наверное, почти для каждого, чай в таких подстаканни-

ках является фирменным знаком поездки на поезде дальнего следования. И почему-то обычный чай, налитый в гранёный стакан, вдруг приобретает какой-то особый железнодорожный вкус именно в тот момент, когда этот стакан оказывается погружён в этот медно-никелевый сплав с пропагандой советского строя.

На каждой большой остановке мы с Надей выходили, подробно обследуя местные достопримечательности, и сделав все возможные селфи, а иногда даже купив каких-то местных сувениров, быстро бежали обратно. Вязьма и Смоленск уже остались позади, а на горизонте маячила Беларусь. На улице потихоньку начинало смеркаться.

– Мне показалось, что вы что-то там говорили о вагоне-ресторане? – спросила меня проводница, пробегая мимо нашего купе. – Если хотите туда успеть, то вам лучше уже поторопиться.

– А зачем торопиться-то? – недоумённо спросил я её вслед.

– А затем, что в Бресте его уже отцепят от состава, а то как бы вместе с вами и не отцепили, – не оборачиваясь, быстро оттарабанила та дежурную шутку.

– Ну что, пойдём пока не поздно, – предложил я Надежде, – хоть и есть чего-то не особо хочется.

– Пойдём, пойдём. Нечего было так налегать на конфеты. Моя мама перед посадкой на поезд накупила кучу газет и была полностью погружена в изучение текущей мировой си-

туации, дети достали игральные карты, а мы с Надей потихонечку двинулись в направлении пока ещё не отцепленного вагона-ресторана. Мы шли, а двери сами легко раздвигались перед нами, отворяя один вагон за другим. Это было как в романе Жюль Верна, и у меня создалось ощущение того, что впереди нас ждёт нечто фантастическое. Но вот мы упёрлись в дверь, которая сама открываться почему-то не захотела, и я понял, что мы пришли и фантастика на этом, скорее всего, закончилась. Действительно, это оказался тот самый вождь-деленный вагон-ресторан. Дверь поддалась не сразу, мне даже пришлось слегка помочь себе плечом. Там, в вагоне, находилось два человека – один из них стоял за барной стойкой, он, по всей видимости, и был шеф-поваром ресторана. Это был седой старик лет шестидесяти пяти с неопрятными усами. На нём была несвежая тёмно-коричневая сорочка с несколькими сочными жирными пятнами на видных местах, однако чистейший кипенно-белый фартук, повязанный на талии, надёжно прикрывал от загрязнения нижнюю часть его гардероба. Второй же, молодой брюнет, стоявший перед стойкой, активно жестикулируя, рассказывал повару какую-то, видимо очень захватывающую, историю. В тот момент, когда нам всё же удалось открыть неуступчивую дверь и проникнуть в вагон, оба сразу замолчали и внимательно посмотрели в нашу сторону. «Видимо, не ждали», – мелькнуло у меня в голове. Нашим взорам открылась весьма унылая картина, состоящая из обшарпанной барной стойки и пары небранных сто-

лов, и я сразу предположил, что этот вагон не берут в Польшу по той причине, что он не прошёл технический осмотр по европейским стандартам. Он был как будто бы из прошлого века, хотя почему «как будто», скорее всего так оно и было на самом деле. Честно говоря, после всего увиденного первое желание, которое у меня возникло – это развернуться и уйти, но как-то неловко так было поступать прямо сразу:

– Здравствуйте, вот хотели поужинать у вас, – несколько неуверенно произнёс я, косясь в сторону вывешенного справа от барной стойки меню.

Старик приветственно кивнул:

– Поужинать это можно, только вы туда не смотрите, лучше спросите просто у меня, и я вам отвечу, что у нас есть.

– Ну и что же вы можете предложить?

– Пожалуйста – салат овощной, только нарезал. Ещё фишашки есть. Белорусского производства.

– И всё?

– А что ещё? Ну вот селёдка ещё есть. Будете селёдку?

– Хм, ну а к селёдке, может быть, что-нибудь найдётся? Ну, типа гарнира, что ли.

– К селёдке могу картошечки вам пожарить, если подождёте, конечно.

Тут мне сразу подумалось, что не так-то всё и плохо здесь, как показалось сначала. Звучит заманчиво: «Жареная картошка с селёдкой» – и аппетит даже разгулялся.

– А выпить что-то найдётся? – с надеждой в голосе поин-

тересовался я. – Может, вино какое-нибудь там?

– Вино? Не-е-ет. Пиво есть, баночное. Хотите?

– Ну что, тоже вариант. Почему бы и нет? – повернулся я к Надежде: – А ты как? Будешь?

– Да, хорошо. Пиво так пиво, – согласилась она.

В общем, мы заказали овощной салат, две порции жареной картошки, селёдку и, забрав пиво, присели за один из столов. Старик начал стряпать что-то там на крохотной кухоньке, а его собеседник вновь принялся отвлекать его разговорами, продолжая рассказывать тому какие-то невероятные истории. «Вот ведь, кому-то нужна пища реальная, а кому-то духовная, – усмехнулся я про себя, – и этот старик удовлетворяет на своём месте все запросы посетителей. Универсал!»

Кроме нас, более клиентов в ресторане не наблюдалось, и поэтому наш стол был накрыт достаточно быстро. Картошка почему-то оказалась не жареной, а варёной, к ней шёл нарезанный толстыми кружочками полупустой и помятый солёный огурец с гигантскими семечками и пара долек вялых помидоров. Видимо, это и был обещанный овощной салат. Ну а в консервированной селёдке было столько уксуса, что временами пробивало даже слезу. Тем не менее мы с Надеей всё же предприняли попытку поужинать всем этим, но она продолжилась ровно до того момента, как я из своей пластиковой тарелки торжественно вытянул волос. Причём на нём повисла добрая половина всего того, что в этой тарелке

находилось. Мне было совершенно не понятно, откуда мог взяться этот длиннющий волос, ведь ни у кого из присутствующих, включая мою жену, таких длинных не росло? Тогда же я понял, что больше есть сегодня уже ничего не смогу, и, осушив банку пива, тупо уставился в окно, за которым медленно проплывали огни вечернего Минска. Пиво мне показалось крепковатым, но, возможно, это было именно то, что нужно в тот момент.

Поезд остановился в Минске, и мы вышли на платформу прогуляться. Настроение было испорчено, немного не так я себе представлял вечерний ужин в фирменном поезде. Но делать нечего:

– Уже поздно и неплохо было бы потихоньку идти укладываться спать, а то завтра тяжёлый день, – нарочито сказал я жене, и мы поплелись в сторону своего вагона.

– Ну как ужин? Понравился? – как мне показалось, с издёвкой спросила проводница, когда мы подошли к вагону. – Чем же там сегодня кормят?

– Жареной картошкой, – недовольно буркнул я, протискиваясь в вагонную дверь.

– Видимо, она наслышана о кулинарных способностях повара, – шепнула мне Надя, когда мы уже подходили к купе.

Проводив Надю, я пошёл укладываться на своё место. В моём купе уже спали. Я закрыл за собой дверь и, несмотря на то, что мои глаза ещё не привыкали к темноте, по характерному звуку уже смог определить места дислокации своих

соседей по купе. Храп был негромкий, но весьма настойчивый. «Только этого мне ещё не хватало», – подумал я и стал на ощупь расстилать свою постель на нижней полке. День был непростым: ранний подъём, подготовка, сборы чемоданов, посадка на поезд, ещё куча всяких впечатлений, возможно, это повлияло, и мне всё никак не спалось. Сначала я грешил на храпящих, затем храпеть перестали, а я всё равно продолжал ворочаться с боку на бок, так же, как и до этого. Одна мысль тянула за собой другую. Дальше – больше. По неведомым мне вентиляционным каналам в купе стал поступать специфический аромат какой-то, видимо не очень дорогой, колбасы. Должно быть, кто-то из наших вагонных попутчиков решил подкрепиться под покровом ночи. Я хотел было открыть окошко, чтобы проветрить купе, но, как выяснилось, такой опции в современных вагонах не предусмотрено. Тогда я просто вышел в коридор, чтобы глотнуть свежего воздуха, но и это меня не спасло. Вонь от колбасы распространилась буквально повсюду, и спрятаться от неё не представлялось никакой возможности. Вконец измученный, я всё же вернулся на своё место и постепенно погрузился в какое-то забытье, однако, только это произошло, кто-то резко включил свет, и раздался бодрый голос нашей проводницы:

– Так, просыпаемся и готовим документы! Пограничники сейчас придут! Паспортный контроль! Молодые люди, вы же до Бреста? Всё. Уже подъезжаем, можно проходить на вы-

ход!

Первое, что я почувствовал, это всё тот же острый запах колбасы: «Боже, про границу-то я и забыл совсем!» – пронеслось в моей ещё ословелой от дремоты голове. Посмотрел на часы – 3:10. – «А чего им тут долго делать-то, наверное, сейчас зайдут, всё быстро проверят и поедем дальше, поди пограничникам и самим спать охота». Зевая, пошёл к своим, они тоже постепенно просыпались. Мы подготовили паспорта и стали ждать. Минут через пятнадцать в наш вагон вошла делегация из пяти человек в белорусской пограничной форме – три женщины и двое мужчин. Некоторые из них стали продвигаться вдоль вагона, собирая при этом документы, другие же производили осмотр купе и некоторых заинтересовавших их предметов багажа. Так постепенно дело дошло и до нас:

– Куда путь держим? – поинтересовался худенький офицер лет сорока. Он, по всей видимости, был старшим и почему-то всё время смотрел по сторонам, резко поворачивая голову то налево, то направо. Поэтому я про себя назвал его «Дёрганным».

– Ну так, куда путь держим? – повторил Дёрганный заготовленный вопрос.

«Интересно, сколько раз на дню он его повторяет?» – подумал я и ответил:

– В Варшаву.

– В Варшаву? Ну и с какой целью?

– Туристы мы. Город хотим посмотреть, ни разу не были, вот наконец собрались.

Дёрганый резко повернул голову налево и тут же вернул её в исходное положение:

– Ну хорошо, тогда освободите купе, – скомандовал он. – Катюш, зайди проверь.

Только мы вышли из купе, как в него ворвалась пухленькая дамочка в форме. Ловко орудуя руками, она принялась вскрывать всевозможные потайные места, о существовании которых в купе я даже и не подозревал.

Дёрганый опять дёрнулся, теперь уже только в другую сторону.

– Ваши документы! – внезапно раздался женский голос у меня за спиной.

От неожиданности я даже вздрогнул, но, когда обернулся, был приятно удивлён – передо мной стояла молоденькая девушка. Сказать, что она была красива – это значит не сказать ничего, она была ослепительна. Это была жгучая брюнетка, с большими и выразительными глазами и точёными чертами лица, ну а пограничная форма, надетая на неё, была подогнана таким образом, что подчёркивала все достоинства её фигуры. У меня создалось такое впечатление, что она только что материализовалась из кадра фильма о Джеймсе Бонде. Я даже слегка обомлел, поэтому, когда отдавал ей стопку паспортов, чуть придержал их в своих руках, вовремя не разжав пальцы.

– Ну, давайте, давайте, – смущённо проговорила она приятным голосом, исподлобья посмотрев на меня своими прекрасными карими глазами.

Дёрганый – дёрнулся. Я опомнился и отпустил стопку, оставив все документы у неё в руке.

– Надо же, какие у вас красавицы работают! Стажируется, что ли? Курсантка? – весело подмигнув, вполголоса спросил я у Дёрганого.

Он промолчал, а красавица стала дотошно рассматривать всё содержимое стопки, внимательно вглядываясь в наши лица и сравнивая их с фотографиями в паспортах. В воздухе повисла пауза.

– Так, я чего-то не поняла, а где свидетельства о рождении детей? – наконец прервала молчание красотка, обнажив свои прекрасные белые зубки в лучезарной улыбке.

– Пойдите, какие свидетельства? Мы их не взяли, – тихо промолвила Надя, – паспорта же есть.

– Поскольку дети у вас несовершеннолетние, то нужны ещё и свидетельства, а то откуда же мы ещё можем понять, что вы являетесь их родителями?

– Ну мы уже столько раз летали за границу. В Турцию, в Израиль, в Европу, в Америке даже были, и ни разу у нас их никто не спрашивал, – попыталась возразить моя супруга.

– Ну, может, это у вас там в России не спрашивают, а у нас спрашивают. Нет – значит, едем обратно! – бодро заключила стажёрка своим звонким голосом.

Причём произнесено всё это было настолько буднично и легко, как будто бы путешествие из Москвы до Бреста и обратно является для нас обычной, лёгкой прогулкой, коей мы занимаемся от нечего делать, чуть ли не ежедневно. Тут я начал понимать, что всё это не шутка и может плохо закончиться, в этот момент зловонный запах колбасы ударил мне в нос с новой силой:

– Боже, как же воняет, – прошипел я.

Дёрганный в очередной раз дёрнулся, и, подумав, что он может принять мои слова на свой счёт, я сразу же попытался заверить его:

– Это я не про вас. Колбасой тут всю ночь какой-то воняет. Он улыбнулся, и напряжение несколько спало:

– Ну хорошо, давайте поищите, может, у вас в телефонах какие-нибудь фотографии этих документов найдутся? – предложил офицер.

– Фотографии не положено, нужны оригиналы, – строптиво отпарировала вредная стажёрка своему начальнику.

«Вот ведь сука, – подумал я, – поистине демон в шкуре ангела. Бывает же? Видимо, она только вчера читала параграф в учебнике на эту тему, а сегодня отрабатывает всё на нас».

– Ну ладно, мы сейчас в любом случае забираем все документы на проверку, придём через два часа и будем решать, что с вами делать, – произнёс Дёрганный напоследок и направился к следующему купе.

Через некоторое время делегация из вагона удалась, прихватив наши паспорта, а состав тронулся по направлению к депо, где вагоны должны были переставить на тележки, совпадающие с европейской колеёй.

Мы с Надей безостановочно рылись во всех телефонных приложениях, которые могли содержать искомые сканы или фото, но, как назло, ничего найти не могли. Спешка никогда не бывает союзницей в таких делах.

– Я прямо как чувствовала, – начала причитать мама, – видимо, не судьба мне туда попасть. Господи, за что же я перед тобой провинилась?

Ситуация всё больше накалялась. Все остатки сна, которые у нас ещё были, испарились, как будто сейчас не ночь, а самый разгар дня. «С какой стати нам понадобился этот дурацкий поезд, – терзала меня мысль, в то время как я судорожно водил пальцем по экрану своего мобильного, – летели бы себе самолётом, как все приличные люди, и давно бы уже были на месте».

– Урааа!!! – воскликнула внезапно Надя. – Я одно нашла! Лёвино есть! Вот скан – смотри! Осталось только Сонино!

Мы стали искать с ещё большим остервенением, но второе свидетельство никак не находилось. В конце концов, просмотрев всё что возможно, мы так больше ничего найти не смогли.

– Всё, теперь нас в очередной раз отправят обратно в Москву, – заключила мама. – Ну как так можно собираться

в дорогу, не взяв с собой документы?

– Да всё будет нормально, не переживайте. Никто вас не высадит, – пыталась успокоить переволновавшуюся маму наша проводница, поставив перед ней стакан с чаем. – Вот хлебните чайку и успокойтесь.

«Действительно, какой-то злой рок нас преследует с этой Польшей, – крутилась мысль у меня в голове, – что-то нас туда постоянно не пускает».

Наш поезд, переобувшись на европейский манер, вернулся обратно на станцию «Брест», и мы стали ждать своей участи. Время тянулось неимоверно долго, но всё же через несколько минут возникшее напряжение прервал радостный клич проводницы:

– Измайловы, а ну-ка давайте, забирайте свои паспорта! Я же говорила, что всё будет хорошо!

– Прорываемся на запад, прям как дед во время войны, – пошутил я, забирая у неё документы.

Все весело рассмеялись.

– Ну ладно, сейчас хоть немножко поспать можно будет, – сказала Надя, – а то ведь почти не спали совсем.

– Ложиться спать сейчас не рекомендую, через 20 минут будет Тересполь, это польский пограничный пункт, поляки нас проверят, а там дальше можете и ложиться, – сказала проводница и пошла в следующее купе отдавать документы.

Когда обжигаясь на молоке, то дуешь и на воду, поэтому проверку польской пограничной службы я ожидал с неко-

торым беспокойством, тем более что у мамы вообще был израильский паспорт, с которым она впервые пересекала границу другого государства. И тем удивительнее оказалось для меня, что после отрицательного ответа на вопросы, о наличии в багаже оружия, наркотиков, животных, ну и, конечно же, колбасы, как без неё, наши кандидатуры были одобрены для проезда на польскую территорию. Был момент, когда у меня возникло непреодолимое желание натравить поляков на хозяина той зловонной колбасы, запах от которой не давал мне покоя всё это время, но я всё же устоял. Во-первых, доносить – это плохо, во-вторых, я так и не узнал, чья это колбаса, ну а в-третьих, спать оставалось всего два с половиной часа, а у нас было такое состояние, как будто мы всю эту ночь, вместо того чтобы ехать со всеми удобствами в шикарном фирменном поезде, разгружали вагоны на станции Москва-Сортировочная. Хотя какое это имеет значение перед ощущением того, что ты находишься всего в нескольких километрах от цели, которая тебе не покорялась долгие-предолгие годы. Ведь нам осталось проехать последние двести километров от очень длинного пути. Пути общей протяжённостью в семьдесят три года! Именно столько уже длится путешествие моей мамы к могиле своего отца. Поистине – путешествие длиною в жизнь!

* * *

Распрощавшись с проводницей, к которой уже успели

привязаться за эту длинную ночь, мы вступили на польскую землю. Варшава нас встречала замечательной погодой. Несмотря на раннее утро, термометр уже показывал 22 градуса и ярко светило солнышко. Тут же у вагона нас встречал Пётр. Напомню, что Пётр – это гид, с которым я заранее договорился о сопровождении нас по Польше. Я его заметил сразу, ещё из окна поезда. Это был достаточно крепко сложенный мужчина, с небольшим количеством лишнего веса. На вид ему было около пятидесяти лет, а лицо его – улыбочливое, круглое, с мягкими чертами – сразу же обезоруживало и располагало любого, кто начинал с ним общение. Так и я, не успев поздороваться, сразу же оказался под влиянием этой магии. Где-то таким внешне я себе представлял Швейка, когда читал роман Ярослава Гашека. Пётр носил достаточно крупные очки в чёрной пластиковой оправе, а на гладковыбритой голове красовалась лёгкая хлопчатобумажная кепка. Поздоровавшись с нами, он безапелляционно забрал самый тяжёлый чемодан и зашагал в направлении автомобильной стоянки, а мы послушно последовали за ним.

– Напомните, какие у нас на сегодня планы, – стал уточнять Пётр.

– Ну, поскольку сейчас ещё очень рано, в гостинице нас никто не ждёт, поэтому имеет смысл где-нибудь позавтракать и сразу же, не теряя времени, ехать в Макув Мазовецкий, – изложил я заранее заготовленный план.

– Понял! А какие у вас предпочтения по кухне?

– Да ну какие могут быть предпочтения? Завтрак же. Чай, кофе, бутерброды. Ну или яичница какая-нибудь.

– Ну тогда послушайте то, что я предлагаю, – резюмировал Пётр, усаживаясь за руль своего минивэна. – Сам Макув находится в восьмидесяти километрах от Варшавы на север, город очень маленький, а где-то не доезжая до него километров двадцать, есть город чуть побольше – Пултуск называется. Думаю, что на завтрак лучше остановиться там, поскольку легче будет найти подходящее кафе, ну и заодно польскую глубинку посмотрите.

Предложение всем понравилось, и, рассевшись по своим местам, мы уже через несколько минут двигались по направлению к цели.

Один сельский пейзаж сменялся похожим другим, и разнообразием видов дорога не баловала. Но поскольку у всех было очень много новых впечатлений, несмотря на прошедшую бессонную ночь спать совсем не хотелось. Мы поближе познакомились с Петром, и я заметил, что он был похож на Швейка не только внешне. Пётр оказался таким же добродушным и остроумным, как и его литературный двойник.

Через час мы были уже в Пултуске. Пётр нашёл нам вполне приличную кафешку, где мы позавтракали, а затем, прогулявшись по центральной площади города, снова незамедлительно двинулись в путь. Оставалось совсем чуть-чуть. По дороге нам попался достаточно крупный супермаркет, куда мы не преминули заглянуть. Нужно было много всего ку-

пить. Мы взяли ножик, зажигалку, разовые бумажные стаканы, водку, чёрный хлеб и две пятилитровые бутылки с водой. Ну и, конечно же, цветы. Много цветов. Теперь мы были полностью готовы к встрече с дедом, но меня всё ещё терзали смутные сомнения: а вдруг этого кладбища уже давно нет, или нет того столбика с нужным номером, вдруг за кладбищем не ухаживают и там всё заросло и заброшено. Ведь отношения между странами в последнее время становятся всё хуже и хуже, и кто знает, как это могло сказаться?

– Приехали! – Пётр припарковался. – Видишь? А ты переживал. Всё на месте!

Вокруг не было ни одного человека, я вышел из машины и быстро побежал в сторону мемориала. Уж очень не терпелось. Я помнил каждую чёрно-белую фотографию с самого детства: вот дядя Миша (как называла его мама) с группой студентов у центрального обелиска, вот он с мэром и секретарём горкома участвует в возложении венка, а вот они все вместе стоят у столбика со звёздочкой и номер там – 189. 189 – это тот номер, который нам нужен, который мы должны найти во что бы то ни стало! Я вошёл на кладбище, и моему взору открылся тот самый обелиск со старых фотографий. Прямо к обелиску вела аллея, слева и справа от которой были расположены два больших поля, с бесчисленным количеством пронумерованных столбиков – это и были захоронения. «Это здесь! Это точно здесь! Главное теперь найти столбик с нужным номером, – стучало у меня в голове, –

главное, чтобы номера сохранились и были видны». Я вступил на одно из полей и начал всматриваться в цифры: 764, 763... сколько же их здесь... 514, 513, 512... Мой шаг был всё быстрее и быстрее, а сердце бешено колотилось. ...301, 300, 299, 298... ну когда же уже? ...Есть! 189! Вот он, заветный номер! Прямо как с фотографии!

– Ну здравствуй, дед! Это мы! Добрались наконец! Ты уж не сердчай, не обессудь, что так долго, зато теперь я не только дочку, я и правнуков к тебе привёз, – радостно причитал я, – сейчас, сейчас они уже подойдут!

– Нашёл! Нашёл! Идите сюда! Это здесь! – радостно кричал я своим, размахивая руками.

Не вытерпев, я бросился им навстречу. Все были заметно взволнованы, даже Пётр, несмотря на то что, конечно же, вряд ли имел какое-то отношение к этой братской могиле. Я взял маму под руку:

– Мама! Мы сделали это! Мы нашли! Он здесь!

Мама шла быстро насколько могла, насколько позволяли больные ноги. Она очень долго ждала этого момента. Ещё бы, ведь так случилось, что Цурил погиб, когда маленькой Нине не исполнилось ещё и четырёх лет. Она, конечно же, не могла запомнить его при жизни, поскольку была ещё крошечной в то время, когда тот приезжал в краткосрочные отпуска с фронта, но мысль о том, что всё могло сложиться совсем по-другому, если бы отец остался жив, проходила красной нитью по всей её судьбе. Да, вполне возможно, что ес-

ли бы гвардии подполковник и комиссар Цурил Измайлов остался в живых, то его дочерям многое в этой жизни давалось бы гораздо проще, и она, ещё подростком, всё время злилась на отца за то, что тот не вернулся и оставил их одних. Бывало даже так, что она разговаривала с ним, представляя его живым, как бы жалуясь ему и упрекая одновременно. Но с годами она поняла одну простую вещь, что отца не вернуть, а для того, чтобы начать в жизни чего-то добиваться, просто нужно быть сильной, такой же сильной, как был Цурил. И она стала сильной. И если бы не Цурил, она бы не уехала из провинциальной Махачкалы в Москву, и если бы не он, то, конечно, не совершила бы своей головокружительной карьеры от пионервожатой в школе до руководящих постов в Министерстве просвещения России, если бы не отец, не было бы сейчас её имени в энциклопедии «Лучшие люди России». И всё это во многом благодаря ему – Цурилу! Так считала она!

Мы подошли к могиле и остановились, простояв так, в молчании, несколько минут. Затем возложили цветы и налили по сто граммов. И ему, Цурилу, тоже, конечно же, налили.

У мамы на глазах выступили слёзы:

– Да будет пухом тебе земля, пап. Теперь-то мы знаем, где ты. Будем теперь приезжать, – произнесла она. Мы помянули деда. Потом выпили за тех людей, которые несмотря ни на что поддерживают этот мемориал в опрятном состоянии все эти годы. Лёва с Соней стали очищать каменный столбик, а мама зажгла свечу, специально привезённую из Москвы. Ко-

гда мы уже собирались уезжать, я заметил, что около некоторых гранитных столбиков с номерами стоят собственные небольшие памятники и понял, что это уже частная инициатива потомков тех, кто был здесь похоронен.

– Пётр, послушай, нам нужна гранитная мастерская по изготовлению памятников – как ты думаешь, мы сможем здесь сейчас такую найти? – поинтересовался я.

– Да, думаю, это не проблема. Наверняка она должна быть рядом с городским кладбищем. Сейчас посмотрим, где здесь вообще кладбище находится, – ответил Пётр, заглядывая в свой навигатор.

Через пятнадцать минут мы уже находились в конторе лучшего гранитного мастера Макува Мазовецка. Я выбрал плиту и составил текст для гравировки на ней, а Пётр объяснил задачу мастеру и взял на себя контроль за исполнением заказа, пообещав нам выслать фотографии с уже установленным на могиле памятником.

По пути в Варшаву мы все молчали, видимо, каждый сам для себя осмысливал важность всего произошедшего, ведь таких дней в жизни человека бывает совсем немного. Мне кажется, что для моих детей сегодняшней день стал как бы днём рождения их прадеда. Не то чтобы они раньше о нём не знали. В их жизни он всегда был либо на каких-то фотографиях, либо в школьных сочинениях или, в конце концов, в бабушкиных или моих рассказах. И вот сегодня он вдруг стал для них реальным. А может быть, и не только для них,

может быть, для нас с мамой тоже... А ещё очень важно то, что теперь уже больше никогда его могила не будет безымянной.

Мы остановились около своей гостиницы, и Пётр проводил нас на ресепшн:

– Ну что, встречаемся завтра в двенадцать? Как раз успеете хорошенечко выспаться и позавтракать, – с улыбкой произнёс он.

Иногда бывает так, что, когда проводишь много времени с незнакомым человеком, на следующий день обычно хочется от него отдохнуть. А если он к тому же является гидом, и при этом ещё очень много говорит, это чувство становится только сильнее. Но то ли Пётр был нестандартным гидом, или же он сегодня просто не очень много говорил, но все мы желали увидеть его и на следующий день.

– Да, отлично! Договорились! Завтра в двенадцать выходим из гостиницы, – подтвердил я.

Пётр уехал, а мы остаток дня провели, прогуливаясь по центральным улочкам старой Варшавы, наслаждаясь замечательным тёплым вечером.

На следующий день, встретившись с Петром в условленное время, мы отправились на большую автомобильно-пешеходную экскурсию по Варшаве. Погода благоволила нам в этот день, так же, как и накануне. Пётр оказался прекрасным экскурсоводом, и мы безотрывно с большим интересом слушали множество историй, связанных с городом, и любо-

вались его многообразной архитектурой. Конечно же, самая незабываемая и трагическая часть экскурсии была связана с рассказами о варшавском гетто, и как же мощно всё это перекликалось со вчерашним днём. Вторая мировая война оставила неизгладимые шрамы на этой земле, и вряд ли это когда-нибудь будет забыто.

Вечером мы все вместе ужинали в ресторане, расположенном в исторической части Варшавы, и благодарили нашего гида за прекрасно проведённое время:

– Пётр, пью за тебя, – начал я тост, – ты сам понимаешь, что без твоего участия осуществить всё, что мы задумали, было бы гораздо сложнее. Спасибо за помощь, спасибо за замечательную экскурсию, спасибо за прекрасную кухню в этом ресторане, за всё спасибо! Если будешь в Москве – милости просим! Всегда будем рады тебе!

Пётр расплылся в своей обворожительной швейковской улыбке:

– Вы знаете, но ведь наша программа ещё не завершена, – загадочно произнёс он.

– Как не завершена? Вроде бы мы больше ни о чём не договаривались, – удивился я.

– Да, не договаривались. Но дело в том, что и вы мне тоже очень понравились, и, проведя эти два дня вместе с вами, я тоже получил удовольствие! А поэтому я хотел бы завтра лично проводить вас до поезда! Причём этот трансфер для вас будет абсолютно бесплатным! Пусть это будет как бы

небольшим бонусом.

– Ну мы только «за», – радостно согласился я, – от бонусов обычно не отказываются!

– Всё, тогда решено! У меня завтра как раз свободный день. Во сколько ваш поезд отходит?

– По-моему, что-то около четырёх, – начал вспоминать я, – сейчас билеты достану.

Пётр взял у меня билеты:

– А, ну всё правильно. Москва Белорусская. Отправление с Варшава Заходня в 15:55. Значит, буду завтра у вас в три часа. Только предлагаю садиться на поезд не на Варшаве Заходня, а на Варшаве Вшодня. Она гораздо ближе к вашей гостинице, и не надо будет проталкиваться через пробки всего города. И даже выехать тогда нам можно будет попозже. Как вы, не против?

– Как скажешь, Петь. Если так будет удобнее, то сядем на поезд там, – согласился я.

После мы ещё какое-то время провели за столом в общении, а когда Пётр, распрощавшись до завтрашнего дня, уехал домой, опять пошли любоваться вечерней Варшавой.

* * *

На следующее утро, собрав вещи, мы с Надей решили пробежаться по ближайшим польским магазинчикам, а затем, вернувшись в гостиницу и пообедав, всей семьёй стали дожидаться нашего гида. Пётр был, как обычно, пунктуален,

мы погрузились и через пятнадцать минут были уже на вокзале. В общем, всё шло по плану. Мы попрощались с Петром, и, поскольку до поезда оставалось ещё минут сорок, усадив всех своих в зале ожидания, мы с женой не смогли не поддаваться соблазну зайти в находящийся там же, на станции, супермаркет. Пробыв там какое-то время, мы закупили всяких местных вкусностей, которые планировали продегустировать в ближайшее же время. Оставалось только просто сесть в поезд. Моё воображение уже рисовало благостную картину нашего путешествия обратно в Москву: сидим в купе за красиво накрытым благоухающим столом, а за окном – Польша прощается с нами своими прекрасными видами... Тут мои фантазии прервал тревожный голос Нади:

– Слушай, Серёж! А ты видишь здесь где-нибудь табло?

Я стал внимательно исследовать глазами весь местный интерьер, но табло никак не находилось. Времени до посадки оставалось уже не так уж и много, и нам следовало бы поторапливаться, поэтому мы с Лёвой побежали искать хоть какую-то информацию. Выяснилось, что поскольку Варшава Заходня была не конечной, а проходной станцией, на ней действительно не оказалось большого информационного табло, а было только маленькое. Информация о поезде на нём загоралась лишь за пару минут до его прихода. Нас это никак не могло устроить, поскольку мама ходила очень медленно, и за две минуты мы явно не успевали дойти до места посадки.

Мы стали штудировать всевозможную информацию на бумажных носителях, которая была размещена на вокзальных стендах.

– Пап, я нашёл! Вот смотри! Третья платформа, четвёртый путь! – радостно воскликнул Лёва, показывая какую-то мелкую строчку на стенде, – а стоянка всего две минуты, это значит, нам туда надо срочно идти!

– Молодец, Лёвка! Щёлкни на телефон на всякий случай, и побежали к нашим!

Время хоть и поджимало, но нам его было вполне достаточно, чтобы не торопясь дойти до предполагаемого места посадки, и мы незамедлительно направились туда. Поднявшись на платформу, мы сразу же оказались в плотном людском трафике, и оттуда отходил уже какой-то поезд.

– Наверное, следующий должен быть наш, – крикнул я своим, глядя на часы.

И действительно, через некоторое время на наш путь стал заезжать уже следующий длиннющий состав. Поезд шёл очень неспешно, и у меня было много времени, чтобы его разглядеть. Он совсем не напоминал «Полонез»: вагоны были почему-то грязные, спальных мест в них не было вовсе, внутри сидели пассажиры, и было совершенно не похоже на то, что они все направляются в Москву. А большинство людей, находящихся вместе с нами на перроне, вообще никак не отреагировали на приход этого поезда, и мы, глядя на них, тоже продолжали чего-то ждать. Поезд стоял, и мы, как за-

гипнотизированные, стояли тоже, а время неумолимо шло, и только где-то на исходе второй минуты ожидания у меня в голове что-то пронеслось. Я сделал шаг вперёд, пытаюсь рассмотреть хвостовые вагоны состава, и в этот момент меня поразила ужасная догадка... И когда я уже открыл рот, чтобы крикнуть: «Вперёд, садимся!!!», двери вагонов неспешно закрылись и поезд лениво тронулся. Он проплывал перед нами нарочито медленно, как бы дразня нас, постукивая и поскрипывая. Один вагон, другой, третий, вот наконец дошла очередь и до наших – фирменных. Едут, сверкают на солнышке, а на диодных табло пробегают: «Москва Белорусская». Удивительные ощущения – поезд еле проползает прямо перед твоим носом, ты находишься совсем рядышком, любишься им, можешь даже потрогать его, но, к сожалению, оказаться внутри уже совершенно невозможно. **МЫ ОПОЗДАЛИ!**

Вот ведь проклятая логистика! Видимо в целях экономии вагоны нашего поезда на данном этапе следования были включены в смешанный состав. В итоге все перемешалось. Пригородные вагоны тянули за собой спальные, а те, которые ехали зарубеж переплелись с внутренними, и фирменный «Полонез» от этого стал просто неузнаваем. Он как бы замаскировался, таким образом полностью дезориентировав нас. И разгадать этот ребус за две минуты мы просто-напросто не успели.

Даже после того как прошёл последний вагон, мы ещё

некоторое время стояли и не могли пошевелиться. Это чем-то напоминало финальную немую сцену из «Ревизора» у Гоголя. В глазах детей я читал изумление. Никто не мог понять, как же это могло случиться. Как вообще возможно опоздать на поезд, на который ты вовсе и не опоздал? Но именно это и произошло, и необходимо было что-то срочно предпринимать. Ситуация казалась просто какой-то безвыходной – нас пятеро, включая пожилую маму, а брони гостиницы уже нет. Сейчас август, а это именно тот месяц, в котором сложнее всего найти свободные места в отелях, а если и найдёшь, то цена будет заоблачной. То же самое касается и билетов на любой вид транспорта. Говорить о поезде вообще не приходится, поскольку «Полонез» до Москвы идёт всего два или три раза в неделю, не больше, и билеты на него не купить уже за сорок пять дней. Всё моментально расхватывается – это мы досконально изучили ещё тогда, когда сами покупали на него билеты. Поэтому, скорее всего, рассматривать возможно только самолёт. Все эти мысли стали беспорядочно роиться в моей голове.

– Наверное надо ехать в аэропорт, брать билеты и пытаться улететь самолётом, – предположил я.

– Серёж, а давай наберём Петру, может быть, он какой-нибудь совет даст, – предложила Надя.

– Да, да, конечно.

Я стал судорожно извлекать из кармана свой мобильник, и только я его достал, как он сам стал трезвонить у меня в

руках. На телефоне отобразилась фотография нашего гида. В этот момент она показалась мне вовсе не фотографией, а святым ликом. «Может быть, это и есть тот самый знаменитый апостол Пётр, который послан небесами нас спасти», – вдруг подумалось мне.

– Ало, ну как там у вас? Всё нормально? Сели? – голос Петра звучал абсолютно спокойно. Он, конечно же, не мог предположить того, что с нами случилось.

– Нет, Петь! Мы на перроне! Наш поезд ушёл, мы опоздали на него и теперь вообще не знаем, что предпринять!

– Что?! Как же это могло случиться? Ну ладно, я тут рядышком, сейчас буду! Подходите пока к центральному входу.

Всё ещё до конца не веря в произошедшее, мы стали спускаться с платформы в переход, ведущий к городу. Несмотря на все старания, моя мама быстро ходить не могла, поэтому скорость наших перемещений была невысока, и это, конечно же, ещё дополнительно осложняло сложившуюся ситуацию. Несколько отставая ото всех, Лёва вёл свою бабушку под руку.

– Ты знаешь, я вот смотрю наличие билетов в «Аэрофлоте», – сказала мне Надя. – На сегодня все уже улетели, а на завтра, пожалуйста, есть билеты – 62 300 рублей за штуку! Видимо, один бизнес-класс остался, всё остальное выкуплено!

У меня пересохло в горле, соображалось не очень хоро-

шо, но я всё же пытался выстраивать какие-то логические цепи: «Итак, у нас складывается следующая картина – поскольку на сегодня авиабилетов уже не найти, нам нужно ещё на одну ночь снимать гостиницу в Варшаве, причём поскольку нас пятеро, то необходимо сразу три стандартных номера. Не факт, что мы сможем их быстро найти, но, если даже и найдём, стоять это будет не менее пятисот евро. Билеты же на самолёт, которые нашла Надя, обойдутся ещё в четыре тысячи евро. Итого общая цена опоздания на поезд – 4 500 евро. Да, забыл – плюс два такси в аэропорт. Почему два? Да потому что в одно мы никак не влезаем! Нас пятеро! Итак, почти пять тысяч евро! Пять тысяч евро – цена опоздания! Как вообще такое было возможно? Как можно было не узнать свой поезд? Сказать, что я был раздосадован, это не сказать ничего, я был просто в ярости.

– Ну ребят, ну как же вы так? – прервал мои упражнения в устном счёте Пётр. – Вас прямо и оставить-то нельзя. Хорошо, что я тут недалеко был. Заезжал пообедать. Ну давайте, давайте, садитесь в машину, не тяните! У нас каждая секунда сейчас на счету!

– Ты считаешь, что возможно догнать поезд? – с робкой надеждой в голосе спросил я, быстро заталкивая чемоданы в багажник.

– Я, конечно, не уверен, но думаю, что попробовать надо обязательно, – ответил наш Швейк.

В этот момент я был готов его расцеловать. Причём дело

тут было совсем не в деньгах, которые нам мог сэкономить наш гид. Для меня было настолько ценным, что человек, знающий нас всего третий день, поняв, что мы находимся в сложнейшей ситуации, абсолютно бескорыстно и без всяких предварительных условий протягивает нам руку помощи, что показалось даже не таким важным, в конечном счёте, догоним мы этот злосчастный поезд или нет. Хотя своими словами Пётр, безусловно, поселил у нас у всех надежду.

– Слушай Пётр, когда мы ехали сюда, всё про этот поезд уже изучили. Ты знаешь, с какой скоростью он может двигаться? Двести километров в час! А на что способна твоя колымага? – спросил я.

– Здесь главный вопрос: на что способен её водитель? – улыбнулся Пётр.

Он завёл свой автомобиль и потихонечку стал разгоняться. Хотел бы отметить, что слово «потихонечку» нужно понимать буквально, ибо присутствие внутри и без того мало-мощной машины шестерых людей и изрядного количества багажа, мягко говоря, не улучшало ее динамических характеристик, и любой набор скорости после торможения в таких условиях будет даваться очень нелегко. И это обстоятельство, конечно же, будет очень существенно затруднять обгоны на трассе. А без обгонов нам не обойтись, и обгонять придётся очень много. Конечно же, всё это озадачивало, но выбора у нас особо не было, и надо было действовать. Наш гид посмотрел в навигатор:

– По Варшаве уже совсем немного ехать осталось, и время вроде не пробочное, дальше идёт магистраль достаточно широкая, потом можем вообще на платную выехать, ну а дальше, конечно, всё сужается, и тут уже как повезёт. Можем даже и простоять в пробках какое-то время.

Мы уже понемногу стали оправляться от пережитого шока, я зашёл на сайт РЖД и сделал снимок экрана с маршрутом следования нашего поезда:

– Поезд, конечно же, гораздо быстрее нас, но он не может идти на своём максимуме всё время, поскольку на его маршруте достаточное количество остановок, – начал я, – на территории Польши их целых шесть штук. И пусть большинство из них непродолжительные, всего минута, две, всё равно будут отбирать значительное количество времени. Ведь нужно тормозить, а затем опять разгоняться.

– И во сколько же и где должна быть последняя остановка на территории Польши? – поинтересовался Пётр

– Это Тересполь, в 19:00. И стоять там поезд будет сорок пять минут, – ответил я, глядя на дисплей своего телефона.

– Ты не забыл? Там же польский пограничный контроль, – вмешалась Надя. – Так что если мы попытаемся зайти в вагон уже после того, как он будет досмотрен пограничниками, то ещё большой вопрос, что нас туда пустят.

– Да, всё верно, – согласился я. – Получается, что, если мы хотим гарантированно догнать поезд так, чтобы нас оттуда не высадили, необходимо войти в него до польских погра-

ничников, а это можно сделать на любой польской станции, только все же если это будет Тересполь, то нам необходимо оказаться на перроне до прихода туда поезда. А это значит не позднее чем в 19:00.

– А сколько всего километров до Тересполя? – поинтересовалась Надя.

– По-моему, что-то около двухсот, – наморщил лоб Пётр. Надеяться на то, что мы сможем догнать свой поезд, сев в него на какой-нибудь станции, которая будет раньше Тересполя, не приходилось. Времени катастрофически не хватало. Ну, может быть, чисто теоретически, это могла быть станция под названием Бяла-Подляска, которая должна была быть в 18:06, но риск промахнуться и просто потерять время был очень велик, даже несмотря на то, что стоянка там ожидалась целых 23 минуты. Пётр набрал кому-то из своих знакомых, описав сложившуюся у нас ситуацию, и, как я понял, на другом конце провода наши шансы на успех были оценены весьма скептически. Обсуждался даже вариант помощи нам при пересечении польско-белорусской границы на автомобиле, но думать об этом, честно говоря, мне вообще не хотелось.

Наш минивэн уже сумел набрать крейсерский ход и шёл достаточно уверенно со скоростью 120 км/ч.

– Сейчас 16:50, а это значит, что у нас на преодоление двухсот километров пути есть 130 минут, – резюмировал я, – а ну-ка дети, и какая же нам необходима средняя скорость в

пути для достижения этой цели?

Всё это мне напомнило какой-то старый мультик из моего детства, там для того, чтобы исправить проблемную жизненную ситуацию, необходимо было правильно решить задачу, и тогда препятствующие продвижению вперёд двойки, которые были изображены в виде черных лебедей, исчезали, а появлялись пятёрки.

– 92,3 км/ч! – выпалила Соня, составив нехитрую пропорцию.

– Да, похоже на правду. Получается, что сейчас мы идём даже с небольшим опережением графика, – ответил я, – правда, всё это преимущество может растаять, стоит нам лишь только сбавить ход.

Задача на тот момент, мягко говоря, казалась трудновыполнимой:

«Эх, было бы как в том мультике, – подумал я, – правильный ответ – и проблема решена, но жизнь, к сожалению, кроме правильных расчётов требует ещё и верных действий».

Препятствий в движении у нас пока не возникало, дорога была достаточно широкой, по две полосы в каждую сторону, и Петру не составляло труда поддерживать скорость на том же уровне – 120 км/ч. Тем временем Надежда открыла в своём телефоне программу с навигатором:

– 19 часов 25 минут, – объявила она. – Это расчётное время нашего прибытия в Тересполь.

– Да? Но это нас не очень устраивает, – заметил я, – пас-

портный контроль начинается в 19:00, а судя по этим данным, мы подъедем только через 25 минут после того, как он начнётся. Пограничники к тому времени могут уже закончить проверку и закрыть вагоны.

– Ну тогда будем просить их, чтобы пропустили нас, – вступила в разговор мама, – поезд же будет там ещё стоять? Они же не звери, в конце концов.

– Ну звери или не звери, а формальности любят соблюдать, – напомнил я маме нашу предыдущую попытку посещения Польши.

В этот момент мы остановились на светофоре.

– И много здесь на нашем пути ещё будет светофоров? – нетерпеливо поинтересовался я.

– Не так чтобы много, но будут ещё, никуда не денешься, – ответил гид, напряжённо всматриваясь в свой навигатор.

Мы стояли и ждали зелёный, а он всё никак не загорался, и каждая секунда, проведённая в этом состоянии, отдавалась в голове какой-то нестерпимой тупой болью. Мне сразу же представился летящий на всех парах, не знающий преград наш красавец поезд, и я нетерпеливо заёрзал:

– Ну что это такое? Уже целую вечность здесь стоим!

Наконец загорелся зелёный, и наш автомобиль стал нехотя набирать потерянный ход. По звуку двигателя было слышно, как нелегко всё это ему давалось, и каждый из нас, невольно напрягаясь, старался мысленно ему помочь. Вообще вся эта ситуация благотворно повлияла на нас. Мы все

вдруг стали как бы одним единым организмом, запрограммированным на достижение поставленной цели. Особенно сильно это было заметно на детях. Например, Соня, которая раньше всегда была самым активным участником всех наших семейных мероприятий и от инициатив которой нам никогда не было покоя, в последнее время как-то поостыла и отстранилась. Наступил период, когда она, наоборот, всем своим видом старалась показать нам свою незаинтересованность в том, что интересно всем остальным. Переходный возраст – говорят, именно так всё это называется. Ну так вот, сейчас от этого «переходного возраста» не осталось и следа. Я видел прежнюю Соньку. Она была готова беспрекословно во всём участвовать, и в её светящихся глазах можно было прочесть следующее: «Что?! Мы опоздали на поезд?! Да не может этого быть! Вперёд, догоним его во что бы то ни стало!!!»

– Мы сейчас выйдем на платную, – объявил наш гид, – попытаемся наверстать ещё немножко времени.

Наш автомобиль стал плавно уходить направо по дорожному указателю, на котором были изображены монетки, и через некоторое время мы оказались на широкой и практически пустой дороге. Котировки шансов на положительный исход погони в этот момент в наших мыслях явно повысились, и напряжение слегка спало. Даже Надин навигатор слегка улучшил свой прогноз.

– Рано радуетесь, – осадил нас Пётр, – это только на бли-

жайшие 80 километров, дальше дорога будет гораздо хуже.

Педаля газа под правой ногой Петра была полностью в полу – 120... 130... 140... 142 – я безотрывно смотрел на спидометр, как бы пытаясь его загипнотизировать, но это был уже предел, и выше скорость уже никак не поднималась. В какой-то момент все замолчали, и в воздухе засолировал лишь монотонный звук надрывающегося двигателя. Я обернулся, и мой взгляд остановился на Лёвке. Он был невероятно возбуждён, и у меня возникло такое впечатление, что, если будет надо, то он сам готов толкать эту заполненную под завязку машину хоть до Тереспоя, хоть до Бреста, хоть даже до самой Москвы.

Прошло чуть более получаса, и платный кусок нашего пути уже оказался позади, а мы вновь влились в плотный поток автотранспорта. Только на этот раз это было уже узкое однополосное движение с участием множества длинномерных транспортных средств. Большое количество фур здесь объяснялось тем, что трасса Е30 является одной из основных, которая используется в автомобильных грузоперевозках между Россией и Европой. Многие из этих гружённых под завязку машин шли с невысокой скоростью и требовали обгона. Мы никак не могли себе позволить того, чтобы долго ехать за какой-то из них, и началась игра нервов.

Поначалу несколько из этих машин нам удалось достаточно удачно обойти, но настал момент, когда встречный поток стал весьма плотным, и нам всё никак не удавалось найти

окно для обгона. Всё это ещё усугублялось тупой реакцией на педаль газа нашего автомобиля. Мы теряли время, и я заметно нервничал:

– Ну что, может, сейчас попробовать?

– Да нет, тут слишком мало места! – Пётр тоже был весь в напряжении.

Пролетело ещё несколько встречных машин.

– Ну всё! Вот сейчас! Давай!

Пётр до упора нажал на педаль, и наш автомобиль нехотя начал манёвр. Встречная фура неминуемо приближалась, а мы всё никак не могли доехать даже до середины обгоняемого длинномера.

– Хоть бы притормозил, чёрт тебя побери! – выругался Пётр.

Мы явно уже не успевали, и пора было тормозить. Пётр резко нажал на тормоз, и мы, нырнув вправо, еле успели спрятаться обратно за тот автомобиль, который пытались обогнать. В ту же долю секунды мимо нас пролетела встречная фура с устрашающим паровозным сигналом.

– Фу! – вытер ладонью вспотевший лоб Пётр.

– Да, с вами тут не соскучишься! – выдохнула мама.

Надин навигатор, на котором мы всё время смотрели прогнозируемое время прибытия, показывал нам отставание от желаемого времени в районе восьми минут, и каждое дальнейшее промедление ещё больше его увеличивало. Напряжение было невероятным. Минут через пять, дождавшись

достаточно большого промежутка во встречном движении, мы всё же смогли обойти эту злополучную фуру, и бог, как бы в награду за это, дал нам несколько километров свободной дороги. Потом по ходу движения нам попало несколько благоприятно настроенных водителей грузовиков и других автомобилей, которые, замечая знаки Петра, помогали нам проехать, вежливо прижимаясь к правой обочине.

– Во, молодчина! Спасибо большое! И ты тоже красавчик! – кричала Соня пропускающим нас водителям, показывая им руками приветственные знаки через открытое окно.

Тут мы подошли к следующему испытанию – прямо впереди нас маячило сразу две фуры, они ехали прямо вплотную друг за другом со скоростью около 90 км/ч. Передвижение с такой скоростью не входило в наши планы, поскольку нам явно требовалось ехать быстрее, т. е. необходим был обгон. С другой стороны, эта скорость была слишком высока для того, чтобы суметь быстро завершить манёвр, и мы зависли у них на хвосте.

– В колонне они, что ли, едут? – предположил я.

– Да не поймёшь! И ведь не подступишься никак! – досадовал Пётр, периодически смещая автомобиль влево, чтобы оценить ситуацию.

– Пётр, ты только посмотри, их даже не две, там целых три фуры подряд идут! – внимательно приглядевшись, вдруг воскликнул я.

Надин навигатор опять стал отставать, это значит, что мы уже опаздывали, но были вынуждены пока ехать со скоростью впереди идущих машин. Один километр, второй, третий – а встречные всё никак не заканчивались.

– Можно обгонять, никого нет! – дала команду мама. Она была вовлечена в процесс и следила за дорожной ситуацией чуть ли не внимательнее всех остальных.

Наш бравый Швейк нажал на газ. И мы начали обгон. В этот момент у меня возникло ощущение того, что время замедлилось и все действия начали происходить как бы в замедленном темпе:

встречных машин пока нет, но и мы тоже еле прибавляем, лишь поравнявшись с задними колёсами последнего в колонне...

где-то далеко на горизонте появляется еле заметная точка, а мы даже пока ещё этого последнего не обогнали...

точка начинает принимать весьма конкретные очертания, а мы в это время находимся где-то на уровне задних колёс второй фуры...

теперь я уже точно вижу, что к нам приближается грузовик, подобный тем, которые мы сейчас пытаемся обойти, а наш автомобиль в этот момент лишь поравнялся со второй машиной...

на нас на всех парах несётся здоровенный длинномер, нам же до завершения манёвра не хватает каких-то пяти метров...

– Не успеем, не успеем! Ну быстрее! Пожалуйста, быстрее! – не выдержала мама...

В этот момент все пассажиры одновременно закрыли глаза... Когда же мои глаза открылись, я увидел впереди себя пустынную, свободную дорогу, и, к счастью, это не была дорога в рай, это была всё та же наша Е30.

– Да!!! Мы всё-таки сделали это! – возликовал весь наш минивэн. – Путь свободен!

Нам оставалось ещё где-то около получаса, но, как ни странно, все были уверены уже на сто процентов, что наш скромный автомобиль, мчавшийся вперёд на всех парах, никто и ничто сегодня остановить не сможет. Было такое ощущение, как будто бы нам помогал кто-то свыше. Мы летели, обходя все попутные машины, и оставшиеся километры пути для нас стали неким подобием круга почёта. Наверное, именно такие чувства испытывает пилот, победивший в напряжённейшей автомобильной гонке.

В тот момент, когда, припарковавшись на привокзальной площади Тересполья, мы вместе со всем своим многочисленным багажом поднялись на перрон, до прихода нашего поезда оставалось ещё целых шесть минут! Это была победа!

– Пётр, ты сотворил чудо! Я благодарен судьбе за то, что она нам послала тебя, – начал я, доставая бумажник. – Сколько же стоит этот головокружительный трансфер?

– Да нет, ну что ты, Сергей, вы мне ничего не должны, – улыбнулся Пётр, – всё что я делал – делал вовсе не из-за де-

нег. Я просто обязан был вам помочь в этой ситуации. И те чувства, которые я испытываю сейчас, лучше любого гоно-рара!

В этот момент незаметно, как это он умеет, на путь под-крался предмет нашей сегодняшней погони. Но поскольку мы оказались чуть ли не единственными, кто ожидал поезд на этой станции, никакие логистические ухищрения мест-ных железнодорожников сбить нас с толку уже не могли. Мы с Петром крепко обнялись на прощанье.

– Я уверен, ещё много раз увидимся! – крикнул я ему, направляясь в сторону своего вагона. – Кстати, с тебя ещё фотографии памятника, не забыл?!

– Нет, конечно! Всё будет сделано в лучшем виде! – крик-нул Пётр, приветственно сотрясая кулаком воздух. – Будем на связи!

Эйфория... Именно это слово более всего подходило для описания моего состояния в тот момент. Настроение было таким, что хотелось радоваться буквально всему. Я не мог налюбоваться на наш «Полонез», а в скрипе его тормозов мне даже почудились какие-то нотки из вальса самого Шопе-на. Я был готов расцеловать ту самую, сопровождавшую нас в Варшаву проводницу, которая, как оказалось, опять будет ехать с нами теперь уже в Москву, пусть даже и в другом ва-гоне. Ну а польские пограничники, которые вошли в вагон сразу же вслед за нами, мне показались лучшими погранич-никами на свете, и те давние обиды, которые до этого вре-

мении всё ещё оставались у меня на них, растаяли в тот же момент.

Да, вполне возможно, что выбор поезда как транспортного средства для нашего путешествия был ошибкой. На самолёте, скорее всего, было бы и быстрее, и комфортнее. Не было бы тогда и бессонной ночи по пути в Польшу, и досадного опоздания на поезд на обратном пути. Ну, честно говоря, я об этой ошибке ни капли не жалею, ведь только благодаря ей за эти три дня мы пережили такую гамму чувств и эмоций, которую иной человек не получает и за целую жизнь. Например, я узнал, что на этом свете существуют люди, которые готовы помогать незнакомому человеку просто так, только лишь по той причине, что тот очень нуждается в помощи. А ещё лишний раз убедился в том, что не бывает безвыходных ситуаций и что никогда не нужно сдаваться, даже в том случае, когда тебе кажется, что шансов на успех уже совсем не осталось. Все мы от мала до велика были едины, боролись и верили в удачу до самого конца, и поэтому победили. Просто мы – это отличная, дружная семья, и, я думаю, что Цурил наверняка гордился бы такими потомками! Но есть ещё один немаловажный итог нашего путешествия, ведь именно оно вдохновило меня на создание этого небольшого произведения. И не случись этой поездки, я, быть может, вообще ничего не попытался бы создать в литературной области. А так вот, пожалуйста, получился рассказ, и я очень надеюсь, что вы не пожалели о потраченном на его чтение времени.